

Л.Н. Назарова

Н.В. ИЗМАЙЛОВ.

Впервые я увидела Николая Васильевича в конце 1936 г. в Эрмитаже на Ленинградской Областной Пушкинской выставке. Нас — экскурсоводов ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР — познакомили с экспозицией, которая должна была открыться 10 февраля 1937 г., пушкинисты, научные сотрудники Пушкинского Дома. Ими был составлен научный план размещенной в огромных залах Эрмитажа юбилейной выставки. В каждом из залов Эрмитажа встречал один из них. Тут были С.Я. Гессен, Д.П. Якубович, Б.П. Городецкий, Б.С. Мейлах и другие. Но мне особенно запомнился высокий, стройный, с очень приветливым и добрым лицом Н.В. Измайлов. Он познакомил нас с одним из разделов выставки, посвященной творчеству поэта 1830-х годов, точнее, если мне не изменяет память, стихотворениям именно этого периода.

Николай Васильевич Измайлов (1893—1981) — филолог-пушкинист, с 1923 г. был заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома. Я, конечно, не знала тогда, что по делу академика С.Ф. Платонова, зятем которого был Н.В. Измайлов, его арестовали в 1929 г. и он получил пять лет лагерей. До 1934 года Н.В. Измайлов был в заключении¹, а затем некоторое время являлся преподавателем Педагогического института в г. Чкалове (так тогда назывался Оренбург). Там Николай Васильевич опубликовал в «Ученых записках» ряд статей о Пушкине. В 1949 г. (к 125-летию со дня рождения Пушкина) вышли в свет подготовленные рядом пушкинистов, в том числе и Н.В. Измайловым, несколько томов полного собрания сочинений поэта (том 2, полутом 2. Стихотворения 1817—1825; том 3, полутом 2. Стихотворения 1826—1836;

том 11. Критика и публицистика 1819—1834; том 12. Критика. Автобиография; том 16. Переписка 1835—1837).

С 1957 г. Николай Васильевич снова стал зав. Рукописным отделом Пушкинского Дома и редактором ряда научных сборников сектора пушкиноведения. Полностью он был реабилитирован лишь в 1967 г., чему много содействовал М.П. Алексеев, тогда еще член-корреспондент АН СССР.

Позднее я узнала, что в годы после 1934-го Н.В. Измайлов некоторое время принужден был, работая уже в Пушкинском Доме, жить не в Ленинграде, а на 101-м километре...

Возвращаясь к своим встречам с Николаем Васильевичем Измайловым, в те годы еще редким, хотя в читальном зале Рукописного отдела я была постоянно, вспоминаю, как однажды М.П. Алексеев (я тогда работала под его руководством над письмами И.С. Тургенева), в буфете Института представил меня официально Н.В. Измайлову. Помню, что Николай Васильевич подарил тогда Михаилу Павловичу два тома «Ученых записок» Чкаловского пединститута со своими статьями. Мне тоже достался один том со статьей его о «Полтаве», чему я была очень рада, так как моя кандидатская диссертация, посвященная поэмам Пушкина, включала и главу об этом произведении.

С конца 1950-х годов в Институте была создана Тургеневская группа под руководством М.П. Алексеева, который с молодых лет очень любил Тургенева и занимался его творчеством. Сначала Михаил Павлович предполагал издать только письма Тургенева, но потом дирекция настояла на том, чтобы было подготовлено собрание сочинений писателя. Вот тогда и возникла острая необходимость в привлечении к этому делу такого опытного текстолога, как Н.В. Измайлов. Главным редактором полного академического собрания сочинений и писем И.С. Тургенева стал сам М.П. Алексеев, а членом редколлегии и председателем текстологической комиссии — Н.В. Измайлов. Конечно, он был тогда достаточно занят и рукописным отделом и работой с пушкинистами. Тем не менее, М.П. Алексеев убедил его принять участие в работе Тургеневской группы, которая, за исключением трех—четырёх человек, состояла из совершенно не искушенных в тургенеvedении и текстологии молодых сотрудников. Исключением был один А.И. Батюто, защитивший уже кандидатскую диссертацию об «Отцах и детях» Тургенева. Однако все они имели огромное желание принять самое деятельное участие в подготовке полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева.

Подавляющее большинство их работало с увлечением, как говорится, «с огоньком». Мне это было тем более приятно, что вскоре А.С. Бушмин (тогда директор Пушкинского Дома и член редколлегии тургеневского издания) назначил меня заведующей Тургеневской группой. Кстати, я и некоторые другие сотрудники нашей группы знали, конечно, что Н.В. Измайлов занимался когда-то (в 1930-х годах) и Тургеневым.

И вот с конца 1950-х годов началась наша постоянная работа с Н.В. Измайловым. Вскоре она превратилась в самые теплые и дружеские отношения его со мной, Е.М. Хмелевской, Е.И. Кийко, Т.П. Головановой (ее назначили ученым секретарем текстологической комиссии нашего издания), а также и самыми молодыми из наших сотрудниц. Николай Васильевич был очень терпелив, добр по отношению ко всем нам, в общем-то, конечно, очень мало опытным текстологам. Мы искренне его полюбили, он очень-очень многому научил нас. За годы, когда готовилось первое полное академическое издание, мы прошли у него настоящую школу текстологии и тургеневедения.

Николай Васильевич был научным редактором многих томов собрания сочинений и писем Тургенева. А когда появились «спутники» этого многотомного издания, — «Тургеневские сборники» — то он привлек к их редактированию и меня. Мне приятно вспомнить теперь, что я была его соредактором во II, III и IV «Тургеневских сборниках», что я многому тогда у него научилась и бесконечно ему благодарна за все.

Конечно, нам — тургеневидам — приходилось иногда ревновать Николая Васильевича к пушкинистам, которые тоже ведь его уважали и любили, тоже нуждались в его руководстве и помощи.

Н.В. Измайлов принадлежал к тому редкому типу мужчин, которые умеют и любят дружить с женщинами. Как-то он сказал мне: «Я даже не знаю, о чем мне говорить с мужчинами! С женщинами — наоборот...»

Помня о том, что я была активным членом Пушкинского Общества, написала и защитила кандидатскую диссертацию о поэмах Пушкина и имела несколько статей и публикаций о великом поэте, он всегда дарил мне издания сектора пушкиноведения (иногда я писала внутренние рецензии на них). Приведу несколько его автографов, из них некоторые свидетельствуют о том, что Николай Васильевич понимал обоюдную ревность (пушкинистов к тургеневидам и обратно).

На книге «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов» (М.—Л., 1960): «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой в знак искренней и сердечной дружбы и в залог добрых отношений между тургеневедами и пушкиноведами. 1/III 1961 г.» (подписи: Н. Измайлов, О. Пини, Я. Левкович, В.Е. Сандомирская и др.).

На книге «Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837» (Л., 1969): «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой от ее друзей пушкинистов, с большой благодарностью за ее рецензию. 26.04.1969» (подписи: Н. Измайлов, Р. Иезуитова, Я. Левкович, В. Вацууро, Н. Петрунина, О. Пини).

На книге «Н.В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина» (Л., 1974): «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой на память о нашей долголетней работе и дружбе. 1.12.75. Н. Измайлов». На этот труд Николая Васильевича я написала две рецензии: одна была помещена в «Звезде» (1976, № 6), другая в Болгарии («Език и литература». София, 1976. № 4 — на болгарском языке).

Но особенно дорога мне надпись на оттиске статьи Н.В. Измайлова («Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной») из «Тургеневского сборника» (вып. 5., Л., 1969): «Дорогой Людмиле Николаевне от сердечно любящего ее автора — пушкиниста и «почти» тургеневеда. 6.11.69.».

Н.В. Измайлов был всегда внимателен и добр по отношению к молодым сотрудникам. Его уважали, ценили и любили не только пушкинисты и тургеневеды, но и сотрудники Рукописного отдела. Мне об этом рассказывали не раз М.П. Султан-Шах и, в особенности, Н.Т. Панченко, тогда работавшая с ним.

И еще один эпизод, характеризующий доброту, внимание и щедрость Николая Васильевича. У меня в Институте был «подопечный» сотрудник (я его знала еще школьником), Ю.В. Стенник. Он работал в группе по изучению русской литературы XVIII века и серьезно увлекался темой, связанной с отражением традиций этой литературы в творчестве Пушкина. Стенник обратился ко мне за советом относительно возможного научного руководителя для него по этой теме. Я сразу же подумала о Николае Васильевиче, переговорила с ним, и он дал свое согласие на руководство.

В течение трех лет работы над диссертацией Н.В. Измайлов руководил научными разысканиями молодого исследователя. Позднее Ю.В. Стенник признавался мне, что более внимательного, чуткого и доброжелательного руководителя труд-

но было бы представить, тем более, что огромный опыт и знания Николая Васильевича, которыми он щедро делился с молодым ученым, помогли ему успешно защитить кандидатскую диссертацию под названием «Национальные поэтические традиции XVIII века в творчестве Пушкина» и защитить ее в Пушкинском Доме в 1969 году.

Значительно позже, когда уже, к сожалению, не было в живых Н.В. Измайлова, вышла книга Ю.В. Стенника «Пушкин и русская литература XVIII века» (превосходно изданная и интересная по содержанию), которую он подарил мне с такой надписью: «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой с чувством <...> признательности и в память о Николае Васильевиче Измайлове. 6.06.96.».

Николай Васильевич был настоящим рыцарем, всегда готовым защитить сотрудниц Тургеневской группы. У меня иногда бывали столкновения с М.П. Алексеевым из-за каких-либо мелочей (научных), и так как мы оба — люди эмоциональные, то происходили размолвки... А спокойный и уравновешенный Николай Васильевич (я это точно знаю и не от него!), когда меня уже не было в кабинете главного редактора, всегда вставал на мою защиту.

Но был один случай, как будто бы противоречащий этому моему суждению. Однажды я, А.С. Бушмин, Ю.Г. Оксман и Н.В. Измайлов ехали в машине в Комарово к М.П. Алексеву на заседание редколлегии. Ю.Г. Оксман, держа в руках гранки восьмого тома писем Тургенева (редактором его была я), в совершенно недопустимой для интеллигентного человека форме критиковал мою работу... Я хотела выйти из машины, но А.С. Бушмин и Н.В.Измайлов сначала молчали, а потом заявили, что я должна ехать, т.к. без моего участия заседание редколлегии вообще не состоится...

Когда мы приехали к М.П. Алексееву, то заседание как-то быстро провернули (Ю.Г. Оксман продолжил выступать в том же тоне), а затем Нина Владимировна Алексеева предложила нам поужинать. Я вежливо поблагодарила ее, откланялась и вышла в сад, направляясь по дороге, ведущей на вокзал. Но я не успела даже дойти до калитки сада, как меня догнал, запыхавшись, Михаил Павлович и стал умолять вернуться, т.к. ему — хозяину — невозможно было возвращаться в дом без меня... Ради Михаила Павловича, которого я уважала, восхищалась им как ученым, я вернулась...

Прошло много лет. И вот вдруг Николай Васильевич однаж-

1978 год Н В Измайлова поздравляет с юбилеем Е И Кийко

ды каким-то смущенным тоном заговорил со мной об этом, уже забытом мною, случае. И сказал, что просит у меня прощения за то, что не защитил меня и не дал отпора нападкам Ю.Г. Оксмана. А сейчас он просит меня извинить его за это...

Спустя несколько лет после описанного мною случая с «обсуждением» 8-го тома писем, произошло еще одно невольное столкновение с Ю.Г. Оксманом, в котором Н.В. Измайлов принял участие. Речь шла о 14 томе сочинений Тургенева, редактором которого я была. Надо сказать, что Ю.Г. Оксман с первого до последнего тома нашего собрания сочинений Тургенева был членом редколлегии издания, хотя это стоило немало труда М.П. Алексееву (ведь Оксман был репрессирован в 30-е годы). Живя в Москве, он обычно принимал участие в подготовке томов в виде развернутых рецензий. Н.В. Измайлов (как и М.П. Алексеев) высоко ценили Юлиана Григорьевича как ученого и считались с его мнением, которое он часто высказывал в несколько грубоватой форме.

Может быть, в этом сказалась его «ревность» к ленинградцам, которые стали готовить первое полное собрание сочинений И.С. Тургенева, ведь Юлиан Григорьевич (вместе с Б.М. Эйхенбаумом, Л.В. Пумпянским и К. Халабаевым) принимал очень большое участие в подготовке первого научно

откомментированного собрания сочинений Тургенева, вышедшего в конце 20-х — начале 30-х годов. Конечно, он считал нас, молодых тогда тургенеvedов, недостаточно компетентными и не упускал возможности указать нам на это. И вот, после очередной рецензии Оксмана, я получила из Москвы письмо от редактора издательства А.И. Корчагина, в котором содержался намек на то, что моим соредактором тома должен стать Юлиан Григорьевич.

В это время Николай Васильевич находился в больнице. Поскольку он, как всегда, принимал участие в подготовке тома, я первым делом отправилась к нему. Николай Васильевич ознакомился с рецензией Оксмана и письмом Корчагина и нашел их недопустимыми по форме и по содержанию. По этому поводу он написал из больницы письмо М.П. Алексееву, в котором говорил о том, что том был подготовлен мною и соредактор мне не нужен. При этом Николай Васильевич сделал для меня копию своего письма к М.П. Алексееву от 31 марта 1967 года, из которого я привожу некоторые строки:

«Вчера была у меня Людмила Николаевна Назарова и принесла документы, относящиеся к 14 тому: нагловатое письмо Корчагина на Ваше имя (с копией ей), считающего, что он в Москве может распоряжаться изданием как своей собственностью; «отчет» Ю.Г. «о дополнительном редактировании» 14 тома — представляющий собой, по существу, точно такую же рецензию, какие Ю.Г. всегда давал почти на каждый том Сочинений и Писем, получая за это известную долю издательского гонорара; наконец, несколько образцов, наиболее характерных, «дополнительного редактирования» тома — оглавление всего тома с проектом его изменений. Прежде всего скажу о последних».

Далее Н.В. высказывает частично согласие, частично несогласие с предложенными поправками. «Не буду говорить об их несправедливо язвительном и порою оскорбительном тоне — к этому сотрудники Тург. группы давно привыкли и стараются не обращать внимания. По существу же замечания эти весьма разнородны: одни безусловно полезны и нужны (конкретные указания на дополнительную литературу); другие спорны (знаю, что, например, Е.И. Кийко и доцент Рабинович не согласны принципиально с некоторыми замечаниями Ю.Г., исходящими из других, чем у них, точек зрения); третьи замечания просто несправедливы — например, упреки в том, что будто бы не приведена новейшая литера-

тура по некоторым вопросам: это не соответствует действительности, и немногие отдельные пропуски (за указание которых Ю.Г.-чу спасибо) не дают еще повода к охаиванию всего тома. Кстати, я читал внимательно (еще до болезни) материалы почти всего тома, за малыми исключениями, и сделал изрядное количество отдельных замечаний. Но общее впечатление — положительное, и большая работа, произведенная редактором тома — Людмилой Николаевной — не подлежит сомнению».

Что касается «главного», как считал Николай Васильевич, вопроса — о соредакторстве, то он написал следующее: «Из письма Корчагина видно, что он считает Ю.Г. соредактором тома с тем, чтобы его имя было поставлено в выходных данных тома наряду с именем Л.Н. Назаровой. Так же, видимо, склонен думать и сам Ю.Г. Но я не вижу к этому достаточных оснований. Работа Ю.Г. была проведена по уже готовому тому и является, как я уже говорил, обычной рецензией члена Ред. коллегии, пусть и широко, даже шире обычного развернутой, но не дающей ему права на место редактора (или соредактора) тома». Надо сказать, что Михаил Павлович прислушался к мнению Николая Васильевича и учел все его предложения.

Я никогда не говорила Н.В. Измайлову о том, что, хотя и не любила Ю.Г. Оксмана, все же, когда издательство Академии наук СССР (Ленинградское отделение) потребовало исключить из «Библиографии литературы о И.С. Тургеневе. 1918—1967» указания на труды Ю.Г. Оксмана, я как редактор отказалась это сделать. Взяла в издательстве машинопись библиографии и сказала, что не буду пока печатать ее. Библиография вышла позднее, лишь в 1970 г. — все труды Оксмана в ней указаны.

Между прочим, когда у Николая Васильевича бывал день именин (19 декабря), то мы (конечно, не в полном составе) бывали у него в гостях. Нас радушно принимала его вторая жена (первая давно скончалась) Наталья Александровна Чебышева, и было всегда очень уютно и тепло (пушкинисты тоже присутствовали). Но однажды, когда я по какому-то делу приехала одна к Николаю Васильевичу, Наталья Александровна в довольно резкой форме начала критиковать тургеневцев, за которых «всё делать должен Николай Васильевич, а ему это уже тяжело». Николай Васильевич, хотя супруга его во многом была права, сначала только кряхтел, а потом просто пре-

рвал ее и перевел разговор на другую тему. Но мы знали, что Наталья Александровна (кстати, в прошлом сотрудница Рукописного отдела) во время блокады Ленинграда взяла на воспитание мальчика (он был племянником Ф.Я. Приймы, который тогда воевал). И именно она после смерти М.П. Алексева посоветовала пушкинистам — Я.Л. Левкович и С.А. Фомичеву — обратиться к Д.С. Лихачеву с просьбой возглавить Пушкинскую комиссию Академии наук СССР, на что он дал свое согласие. Мне об этом рассказала Я.Л. Левкович.

После кончины Николая Васильевича в Пушкинский Дом приезжала его дочь от первого брака — врач — Татьяна Николаевна Измайлова. Позднее я сообщила её адрес в Рукописный отдел Института, и одна из сотрудниц съездила к ней в Лодейное Поле, получив ценные материалы для архива.

Конечно, Н.В. Измайлов был прежде всего пушкинистом и принадлежал к замечательной плеяде первого послереволюционного поколения ученых, так много сделавших для изучения творчества великого поэта. Это — М.А. Цявловский, Т.Г. Цявловская-Зенгер, Б.В. Томашевский, С.М. Бонди, Д.Д. Благой, Г.О. Винокур, Д.П. Якубович, В.В. Виноградов, Л.Б. Модзалевский, В.В. Гиппиус, М.П. Алексеев и др. Именно их усилиями, их самоотверженным трудом было подготовлено и вышло в свет в 1949 г. академическое полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 16-ти томах.

Я имела возможность слушать постоянно доклады всех этих ученых на выездных заседаниях Пушкинской комиссии и пушкинских конференциях, которые происходили в нашем институте. С некоторыми из москвичей — Д.Д. Благим и Т.Г. Цявловской-Зингер была знакома и даже получала их труды с дарственными надписями.

Мне хочется привести отрывок из письма Н.В. Измайлова директору Пушкинского заповедника от 22 марта 1962 г. Оно явилось ответом на приглашение С.С. Гейченко, обращенное к Николаю Васильевичу, принять участие в праздновании 40-летия заповедника. «Почти сорок лет тому назад, — писал Николай Васильевич, — в августе 1923 года я впервые попал в Заповедник. Тогда в нем не было еще ничего, кроме удивительной природы, сохранившейся такой, какой она было при Пушкине. Тут в Михайловских рощах, в парках Тригорского и Петровского, над речкой и озерами, на Савкиной горке — я так живо, глубоко, по-новому почувствовал и понял многое в творчестве Пушкина, особенно в «Евгении Оне-

гине», как будто бы сам приблизился к его жизни, к его мыслям и чувствам».

Полностью это письмо Н.В. Измайлова (даже частично факсимиле) опубликовала Т.В. Степанова в своей статье «Хранят архивы» в районной газете «Пушкинский край» 1 июня 2001 г. Её мне прислала из музея-заповедника в с. Михайловском Н.Б. Василевич, за что я ей очень благодарна, как и автору публикации.

Думаю, что я и мои коллеги — Т.П. Голованова, Е.И. Кийко, Е.М. Хмелевская, И.А. Битюгова, Н.Ф. Буданова и другие — все мы очень любили и уважали Николая Васильевича, можно даже сказать обожали его. Светлая память об этом большом ученом, большом человеке и, к счастью, нашем большом друге, мы храним в своих сердцах. Приведу в заключение сохранившееся у меня неопубликованное стихотворение В.А. Мануйлова, написанное к 80-летию Николая Васильевича Измайлова. Мне кажется, оно говорит не только о Николае Васильевиче, которого Виктор Андроникович очень любил и уважал, но и о других его современниках и, конечно, и о его авторе:

*Темно грядущее... В тумане
Далеких невозвратных дней
Не различаем очертаний
Незабываемых теней...*

*Всё меньше нас, прошедших с веком
Нежданно выпавший нам путь.
Тех, кто остался человеком,
В ком Божью искру не задуть,*

*Кто не повинен в святотатстве,
Не предал памяти отцов
И кто, как в некоем тайном братстве,
Готов откликнуться на зов*

*Единомышленника брата...
Вот почему, как младший брат,
Вас в славный год восьмидесятый
Обнять особенно я рад.*

9 декабря 2000 г.

¹ См. примечание А.И. Добкина в кн.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. — М.: Феникс. Культурная инициатива. 1992. С. 478 (со ссылкой на сообщение Д. Юрасова).

**ПУШКИНИСТ
Н.В. ИЗМАЙЛОВ**

**В Петербурге
и Оренбурге**

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»
КАЛУГА
2008